

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-336-345>

Юрий Александрович Шаранов

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>, niospba@mail.ru

Евгения Геннадьевна Зуева

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>, zueva.eg@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Постпенитенциарный идеал личности с «чистой совестью», субъектностью и «технологией работы с собой»

Аннотация: Введение. Рассмотрен процессуальный подход в исследовании постпенитенциарного субъекта. В процессуальном подходе самым важным считается анализ становления, динамики и новизны личностных образований. **Цель исследования** – постановка проблемы проектирования новой идентичности постпенитенциарного субъекта, начиная со смены его криминальной установки, конструктивного переживания вины и устойчивой переориентации поведения на реализацию ценностей правопослушной деятельности. **Методы.** В качестве методов исследования выступили диалектический метод и принцип развития. Основным методологическим подходом исследования был определен системный подход. В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы проектирования новой идентичности постпенитенциарного субъекта. **Результаты.** Определяется понятие «постпенитенциарного идеала личности» через осознание и принятие на себя вины за содеянное, всей ответственности за свое будущее существование и деятельность. Рассмотрена проблема самопроектирования идентичности постпенитенциарной личности как объект исследования юридической психологии, который предполагает адаптацию личности к «постнасильственной стадии» ее свободного существования в обществе. При этом новая идентичность, как результат работы постпенитенциарного субъекта с самим собой, выходит за пределы индивидуального «Я», так как охватывает более широкие контексты жизни человека. Такие личностные трансформации возможны путем внедрения эффективных психологических практик (коррекционных программ), самопроектирования и саморазвития постпенитенциарного субъекта. Анализ зарубежного опыта позволил выделить ряд «эффективных практик» пенитенциарных психологов для взрослых и несовершеннолетних.

Ключевые слова: постпенитенциарный субъект, пробация, личностная идентичность, самопроектирование, криминальные установки, вина

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Постпенитенциарный идеал личности с «чистой совестью», субъектностью и «технологией работы с собой» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 336–345; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-336-345>.

Original article

Yuri A. Sharanov

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>, zueva.eg@yandex.ru

Evgeniya G. Zueva

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>, zueva.eg@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Post-penitentiary ideal of a personality with “clear conscience”, subjectivity and “technology of working over oneself”

Abstract: Introduction. The procedural approach in the study of a post-penitentiary subject is examined. In the procedural approach the most important is considered to be the analysis of formation, dynamics and novelty of personal entities. The aim of the research is to set the problem of designing a new identity of a post-penitentiary subject, starting from the change of his criminal attitude, constructive experience of guilt and stable reorientation of behaviour to the realisation of values of law-abiding activity. **Methods.** The dialectical method and the principle of development constituted the research methods. The main methodological approach of the study was the system approach. The study used general scientific research methods aimed at the collection, analysis, systematisation and generalisation of data, in particular, the analysis of normative legal acts and literature references directly related to the study of the problem of designing a new identity of a post-penitentiary subject. **Results.** The concept of “post-penitentiary ideal of a personality” is defined through the realisation and assumption of guilt for the deed, all responsibility for their future existence and activity. The article considers the problem of self-projecting of an identity of a post-penitentiary personality as an object of legal psychology research, which implies the adaptation of a personality to the “post-violent stage” of its free existence in society. In this case, a new identity, as a result of the post-penitentiary subject’s work over himself, goes beyond the individual self, as it covers broader contexts of a person’s life. Such personal transformations are possible through the introduction of effective psychological practices (correctional programs), self-design and self-development of a post-penitentiary subject. The analysis of foreign experience allowed identifying a number of “effective practices” used by penitentiary psychologists for adults and juveniles.

Keywords: post-penitentiary subject, probation, personal identity, self-projection, criminal attitudes, guilt

For citation: Sharanov Yu. A., Zueva E. G. Post-penitentiary ideal of a personality with “clear conscience”, subjectivity and “technology of working over oneself” // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 336–345; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-336-345>.

Введение

Основное внимание в современной психологии уделяется метаперсональному и духовно-практическому направлениям развития субъектности человека, которые различаются по концептуальным основаниям. Если первое, метаперсональное, развивает теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта со всем человечеством, который осознает себя как часть природного и социального мира, то второе направление исследований субъекта заключается в том, что в психологии субъекта деятельностные, саморефлективные и трансцендентные компоненты находят свое воплощение в одной категории – в категории «духовно-практического знания» [1]. Главная идея исследования заключается в следующем постулате: постпенитенциарный субъект как он есть, без самопреобразований, без «работы над собой» не способен адекватно ресоциализироваться и реинтегрироваться в обществе. При этом самопроектирование новой идентичности непосредственно связано с его образом жизни.

Ключевым механизмом самопреобразования выступает взаимосвязь субъекта и характера переживаемой вины, которые соотносятся через выбор субъектом своего

будущего и развитие уровня ответственности за его реализацию. Ресурсами развития новой идентичности постпенитенциарного субъекта является субъективизация личности, т. е. приобретение субъектных качеств: самостоятельность, ответственность, активность, забота о своем будущем.

Постпенитенциарному субъекту не навязывают образ его будущей идентичности, а формируют навык выбора экзистенциальных предпочтений, ведущего к освобождению его индивидуальности. При этом субъект «создает себя» посредством когнитивных, нравственных и других практик, фокусируя внимание на том, что зависит от самого субъекта и позволяет ему обратиться к добру.

Понимание современного «постпенитенциарного идеала личности» в определенном смысле только начинает складываться. Своеобразной точкой отсчета процесса институализации данного феномена выступает Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹. Обновленный институт пробации преследует цели создания модели ресоциализации и реинтеграции указанных в законе лиц, способных по своим качествам быть адекватными идеалам, ценностям и смыслам новой исторической эпохи развития страны. Возникает вопрос: а какие социально-психологические качества согласно ожиданиям общества должны быть определяющими в структуре образа «постпенитенциарного идеала личности»? Кто будет эти качества формировать и по каким критериям оценивать? В чем состоит специфика образа «постпенитенциарного идеала личности»?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, мы обратимся к рефлексии близких к этой теме научных публикаций.

Методы

В качестве основного метода исследования выступил диалектический метод, а методологическим подходом исследования был определен системный подход. В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы проектирования новой идентичности постпенитенциарного субъекта.

Результаты исследования

Очевидно, что процесс рефлексии заявленной темы статьи целесообразно начинать с совокупности тех определений, концептов и подходов, в отношении которых среди ученых и практиков уже существует своего рода консенсус. Наибольшей популярностью среди исследователей² пользуются фундаментальные понятия морального сознания – «совесть», «ответственность», «вина», «долг» [2]. Как в свое время подчеркивал Е. Н. Трубецкой, без определенного представления о добре и зле, без господствующей морали становится невозможной всякая нравственная оценка, т. к. для этого отсутствуют внятные критерии [3, с. 252]. Вместе с тем повседневная реальность, в границах которой действует индивид, демонстрирует очевидный парадокс жизни – стремление делать добро неизбежно сопровождается также и риском разрушения, т. е. проявлением зла. Отсюда этика делания добра и необходимость жизни находятся в непримиримом, напряженном противостоянии. По общему признанию, человек является существом «неидеальным», он не может не наносить вреда другим жизням даже в тех случаях, когда он действует или воздерживается от поступка. Поэтому, как утверждал А. Швейцер, человек обречен жить с нечистой совестью, «чистая совесть – изобретение дьявола». Раздвоенное состояние нравственной личности идентифицируется через осознание вины. Идеального, универсального правила, задающего для всех этический стандарт поведения, не существует, поэтому человек должен раскрывать себя как нравственное существо через конкретные ситуации своей жизни, принимая на себя всю ответственность за полноту такого раскрытия и сводя к минимуму возможный вред, сопряженный с собственным существованием и деятельностью.

Процесс конструирования образа «постпенитенциарного идеала» морального сознания встречается с трудноразрешимой проблемой адаптации личности к «постнасиловственной стадии» ее свободного существования в обществе. В определенном смысле личность действительно как бы вновь приглашается на «сцену социального», и эта сцена обладает как дидактичным, так и репрессивным потенциалом, т. к. «на сцену» личность призывают представители власти. «Этот призыв “конституирует” (создает) того, к кому

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 917.

² Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян ; [пер. с нем. Я. Бермана и др.]. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 461.

он адресован и кому указывает на его место, сцена имеет отчетливо дисциплинарный характер» [4]. Тем самым необходимые качества субъектности личности во многом запрашиваются и задаются культурой имплицитного, а также дискурсивного и редуцированного насилия со стороны существующего закона. Освобожденный юридически от пенитенциарного травматического опыта субъект может реагировать на «призыв» правоуполномоченного лица пассивно (ничего не делать из-за страха или прокрастинации), стремиться к конформности вследствие избегания, боязни самостоятельности (Э. Фромм), так как такая конформность придает чувство идентичности с другими «сильными» людьми, их группами, решая тем самым проблемы индивидуальной ответственности за свои поступки. Постпенитенциарный субъект также может демонстрировать ситуативную агрессию и насилие, искать обидчиков, врагов и виновников в своих бедах, демонстрировать ненасильственное сопротивление социальным нормам, правилам и стандартам, государственным организациям и учреждениям, требованиям представителей власти. Вместе с тем без глубоко выношенной установки прощать других и винить себя, быть одновременно моральным и практически деятельным субъекту невозможно органично вписаться в новую для него «постнасильственную» среду.

Одновременно с этим сам факт признания несовершенства человеческих нравов является условием, содержанием и оправданием юридически нормированной модели пробации, задающей иную, безальтернативную, законопослушную перспективу поведения субъекта в отношении «нового для него общества». Как представляется, наличие нормативного пространства для субъекта полезно в ситуации неопределенности: сталкиваясь с объективно нестабильной, неструктурированной, неоднозначной ситуацией, когда все основания для сравнения отсутствуют, субъект не поддается хаосу, а напротив нормы придают смысл ситуации, структурируют ее, путем выработки общей нормы [5].

В любом случае перед субъектом возникает проблема социальной реадaptации в условиях кризиса собственной идентичности: можно приступить к формированию новой идентичности или возвратиться к старой, допенитенциарной. Известно, что одной из особенностей зрелой личности является способность к индивидуально осмысленному самопостроению, самоконструированию, самопроектированию, а способность человека осмысленно выбирать из многих путей, понимая основания собственного выбора, является одним из проявлений субъектности [1]. Однако здесь возникают некоторые вопросы. Во-первых, возможен ли вариант, когда субъект идентифицирует себя с автором своей собственной судьбы, своей линии жизни, или для постпенитенциарной личности это не характерно?³ Во-вторых, исчерпывается ли выбор личной идентичности только этими двумя формами или в обществе их предлагается гораздо больше? В-третьих, сам процесс переформатирования идентичности обязательно ли должен сопровождаться кризисом психоэмоционального состояния человека, а если это действительно кризисный период, то какие варианты модусов развития идентичности можно прогнозировать?

Проблема самопроектирования идентичности не является новой для юридической психологии, она обладает онтологическим статусом, давно исследуется в контексте пенитенциарной, криминальной и экстремальной психологии, прежде всего с позиции процессуального подхода, в котором главным является не онтология бытия, а онтология становления, закономерности трансформации субъекта и его бытия в многообразном мире (А. В. Брушлинский⁴). Другими словами, когда мы ставим вопрос о самопроектировании новой идентичности постпенитенциарной личности, то тем самым приходится отвечать на традиционный для психологии вопрос о соотношении изменчивости и границах тождественности личности⁵. Как правило, проблема изменчивости понимается в контексте развития человека. Вместе с тем остаются нерешенными вопросы об источниках развития человека. Если развитие стимулирует сам человек, т. е. фактор развития располагается внутри самого субъекта, то представления о самоизменении связываются с понятиями саморегуляции и саморазвития. Вместе с тем до сих пор в психологии продолжают дискуссии о статусе самопроцессов: одна группа ученых утверждает, что наиболее разработанными в отечественной психологии являются понятия саморегуляции и саморазвития (Н. В. Гришина [6] и др.), другая группа ученых с этим не согласна и относит эти понятия к наименее изученным в психологической науке (А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко

³ Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / сост., перевод с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой; под общ. ред. А. Пузыря. – Москва: Касталь, 1996. – С. 40.

⁴ Брушлинский А. В. Избранные психологические труды / ред.-сост. Т. К. Мелешко-Брушлинская, В. В. Знаков. – Москва: Институт психологии РАН, 2006. – 623 с.

⁵ Рубинштейн С. Л. понимал личность как субъекта, созидающего в едином процессе себя и свою жизнь в ее осмысленной целостности, то есть в смысловых координатах самопроектирование личности и самопроектирование жизни – единое целое.

и др. [7]). С нашей точки зрения, действительно, окружающий мир содержит все меньше возможностей для непрерывного самосовершенствования личности. В связи с этим вполне убедительно и логично смотрятся аргументы сторонников самопроцессов, когда на самого субъекта возлагаются задачи не только адаптации к вызовам окружающего мира, но и собственного саморазвития. Тогда постпенитенциарный субъект в контексте данного подхода будет вынужден самостоятельно, а порой и в одиночку преодолевать стереотипы, установки и недоверие по отношению к нему со стороны общества. При этом он, безусловно, будет испытывать открытое и скрытое социальное давление на его индивидуальную ценностно-нормативную систему. В целях психологической защиты он будет прибегать к личностному усмотрению в ситуациях уточнения, прояснения и «подработки» своей позиции под желаемый обществу результат путём искусственного конструирования или «доставивания» своего опыта и смысла поведения под всеобщую норму. И далеко не всегда только угроза социального принуждения и страх перед санкциями со стороны правоуполномоченных лиц могут составлять мотивацию постпенитенциарного субъекта к соблюдению институциональных норм. Существует еще и моральный долг перед самим собой, ответственность перед собственным будущим.

Приходится считаться с тем, что задачи института пробации решаются сегодня в основном именно в условиях экстремального и во многом креативного характера повседневного существования постпенитенциарного субъекта. В связи с утратой некоторых важных ценностей и традиций, информационно-психологическим состоянием общества, увеличением числа и масштаба различного рода рисков и опасностей сама жизнь современного человека носит проблематичный характер. Достижение стабильности и целостности, выживания и развития человеческой личности в поликультуральной, к тому же транзитной ситуации, становится уделом самого субъекта, требующей от него осуществления континуальной, имеющей бытийно-темпоральный план, психологической работы над собой⁶, «заботы о себе» или, по терминологии М. Фуко, «технологии работы с собой» [8]. Необходимость такой работы над собой возникает только тогда, когда приходит осознание нарушения цельности личности и ее существования. Именно о таких экзистенциальных ситуациях, в которых оказывается человек, писал Федор Михайлович Достоевский. Имеется в виду его понимание того, что мы живем в не очень хорошем мире, который мы не в силах изменить к лучшему, но можно попытаться прожить в нем более-менее достойно. Естественно, что жизненную драму человек может пережить только с помощью времени или с помощью начала нового времени. В. В. Бибихин в этом смысле утверждает следующее: «Время должно вернуть “полноту, покой, согласие, которые сейчас, когда я потерял и растерял, меня покинули”, и далее надо “преодолеть возвращение”». «В данном случае важно, где находится будущее – впереди или позади»⁷. Настоящее не бывает без будущего. Задача человека – дать место этому новому, узнав в нем «то самое», о чем мечтал, что хотел бы обрести, но для этого необходимо сформулировать для себя пусть даже иллюзорную, но благую цель, объединяющую его с другими людьми. В этом случае прошлые причины и цели будущего будут притягиваться и усиливать друг друга, актуализировать внутреннюю работу на смыслы, направленную в будущее. При этом скорее всего постпенитенциарный субъект будет ориентироваться на самопереинтерпретацию и переопределение существующих смыслов, чтобы подогнать себя под те стандарты, которые культивируются в социуме [9].

Так как самопроектирование касается не только движения к осознанному целям, но и осознанного образа Я, для какого бы то ни было изменения такая личность должна обладать известными умениями согласовывать диапазон текущих жизненных интересов и личных стремлений, иметь в той или иной мере осознанный и проработанный план того, что она будет делать в ближайшем и отдаленном будущем. Последовательная и цельная реализация внутреннего «замысла себя» как предельная «практика себя» [10], стремление жить определенным образом выражает ключевые отношения субъекта к своему бытию, к своим возможным Я [11]. Познание смысла, назначения своего существования есть важнейшая человеческая потребность. «Без твердого представления: себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы»⁸. Наличие не только положительных, но и отрицательных переживаний

⁶ См. Магомед-Эминов М. Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2009. – 52 с.

⁷ Бибихин В. В. Мир. Язык философии. – Санкт-Петербург: Азбука, 2015. – С. 96.

⁸ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений : в 15 т. / под общ. редакцией Л. П. Гроссмана, А. С. Долинина, В. В. Ермилова, В. Я. Кирпотина [и др.]. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 9. – С. 232.

свидетельствует о том, что субъект обладает желаниями, стремлениями, целями, т. е. что он живет достойной человека жизнью.

Постепенитенциарный субъект, переживший травматический опыт лишения свободы⁹, «столкнувшись со свободой», неизбежно будет преодолевать различные стадии трансформации личности, в т. ч. стадию сопротивления попыткам его «жестко» или «мягко» «переформатировать», а также стадии переозначивания и подчинения власти¹⁰. По мнению Джудит Батлер, «индивид становится субъектом только тогда, когда пройдет через процедуру властной субординации. Внутреннее принятие власти и формирование субъекта (или субъекция), таким образом, выступают взаимосвязанными амбивалентными явлениями»¹¹.

Изменение личности постепенитенциарного субъекта возможно при условии корректного, персонифицированного оказания воздействия на него, и только в том случае, когда возникнет осознание необходимости определенных изменений.

Проектирование новой идентичности постепенитенциарного субъекта предполагает развитие эффективных практик, направленных на коррекцию противоправных установок и стимулирование конструктивного переживания вины. Зарубежный опыт исследования различных психопрактик в работе с лицами, в отношении которых осуществляется пробация, позволяет выделить в этой сфере некоторые тенденции. Так, на протяжении нескольких десятилетий перед учеными и практиками в области уголовного правосудия ставится закономерный вопрос: «Что работает?» [12]. Речь идет о психопрактиках, которые действительно должны приводить к необходимым изменениям. При этом некоторые исследования являются результатом любопытства ученых к конкретным проблемам; некоторые исследования представляют собой проверку инновационных идей, а некоторые основаны на административных нуждах [13].

Практически оценить эффективность используемых программ пока сложно, т. к. они представляют собой разрозненные рефлексии опыта, которые свидетельствуют о неясных целях и отсутствии четкого понимания эффективности предпринимаемых мероприятий. Таким образом, достижение так называемого «реабилитационного идеала» ранее осужденных лиц было невозможным. Вместе с тем в рамках социальной и криминальной психологии, когда криминальные установки были положены в основу проведения научных исследований, удалось осуществить успешное прогнозирование антисоциального поведения [14]. Одновременно с этим в последнее время результаты некоторых публикаций позволяют сделать вывод об эффективности коррекционных программ, основанных на когнитивно-поведенческой терапии. Было также выявлено, что наиболее значимыми предикторами рецидива среди взрослых были связи со сверстниками-преступниками, криминальные установки и криминальное прошлое взрослых [15].

Переход субъекта в пространство самоизменения и экзистенциального поиска нуждается в согласованных целях с обеих сторон: со стороны правоуполномоченных лиц, социальных органов и общественных движений, а также со стороны самого постепенитенциарного субъекта. Напомним, что в ФЗ «О пробации в Российской Федерации» сформулированы две основные цели: ресоциализация и реинтеграция перечисленных в законе лиц. При этом государственные органы на первое место ставят задачи обеспечения общественной безопасности, а отнюдь не нравственную реабилитацию личности и «принцип полагания ценностей» (М. Хайдеггер). Другими словами, представители властных структур сохраняют за собой централизованный контроль над самим процессом достижения поставленных законодателем целей не столько в интересах оказания помощи и поддержки субъекту, сколько для того, чтобы средствами административного надзора обеспечить профилактику рецидивной преступности. Подобного рода императивная стратегия не ставит целью обращения к глубинным структурам личности, она просто поддерживает уже имеющиеся когнитивные структуры, которые хорошо себя зарекомендовали в экстремальных ситуациях пенитенциарного учреждения.

В свою очередь цели проектирования новой или адекватной вызовам среды личностной идентичности ориентированы на долгосрочный эффект, на изменение личности и осуществляются в процессе длительного диалогового контакта с человеком. Именно диалоговое воздействие выступает атрибутом процесса формирования у личности мотивов «идентификации» – желания походить на воздействующую сторону, или «интернализации» – стремления к более глубокому освоению определенных ценностей, взглядов и убеждений (Э. Аронсон) на фоне удовлетворения потребности личности в собственной безопасности.

⁹ Сочивко Д.В. Расколотый мир : Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. – Москва : Per Se, 2002. – 303 с.

¹⁰ Батлер Дж. Подчинение, сопротивление, переозначивание. Между Фрейдом и Фуко // Психика власти: теории субъекции / пер. с англ. З. Баблюна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – С. 72.

¹¹ Там же.

Заключение

По сути дела вопросы, поставленные перед наукой об исправлении и возвращении людей к полноценной жизни в обществе после пребывания в местах лишения свободы, никогда и не уходили из психологического дискурса. Большинство авторов публикаций, как правило, следовали и следуют в логике позитивной теории, в которой по умолчанию культивировался принцип: если в местах лишения свободы создать гуманные условия для отбывания наказания осужденными, то они после освобождения будут правопослушными гражданами. Однако периодические всплески рецидивной преступности ставят под сомнение подобное убеждение. Оказалось, во внимание необходимо брать не только внутренние проблемы мест лишения свободы, но и нравственно-психологическое состояние общества, уровень его правовой культуры, экономики, политики и морали. От юридических психологов по-прежнему требуют ответы на вечные вопросы о путях и средствах совершенствования пенитенциарной политики, о соотношении свободы и правопорядка. Дискуссии ведутся давно, но с небольшим прогрессом: пока взвешенной позиции фактически нет. Поэтому в рамках существующих представлений о работе Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) и с помощью принятых теоретических подходов в психологической науке главные проблемы постпенитенциарного субъекта быстро решены быть не могут. Очевидно, что постпенитенциарному субъекту необходима избыточная «неадаптивная активность» не столько для адаптации, сколько для экзистенциальной переориентации, стабилизации нормативного поведения (В. В. Знаков), ускорения процесса формирования личной идентичности, другими словами, для более сложной человеческой деятельности.

Имманентно институт пробации как социальная система обладает неравновесной структурой, т. к. в нее закладываются различные типы противоречий между целями и стратегиями их достижения, ценностными установками центральной бюрократии, службами пробации, дискурсивными практиками и особенностями поведения и деятельности самого постпенитенциарного субъекта. Внутренним источником самодвижения субъекта к идеалу выступает диалектическое противоречие между двумя равноценными и противоположными по смыслу образованиями – идентификацией и обособлением, развивающим личность и «делающим ее психологически свободной». При этом необходимо понимать амбивалентную сущность бытия такого человека в мире социально-нормативных отношений, постоянное присутствие риска разворота личности в сторону отчуждения от других людей или от самого себя¹² [16].

Стремление включить постпенитенциарного субъекта в самопреобразующую деятельность изменяет линейную динамику согласования существующих социальных норм и его уникальной персональной и жизненной ситуации. Возникает вопрос о наличии определенных лиц и специальных организаций, способных «снимать» уникальность участников постпенитенциарных программ и социально-правовых ситуаций, организуя с каждым из них индивидуальную работу на смысл, тем более каждый постпенитенциарный субъект нуждается в диагностике, оценке и коррекции того психологического ущерба, который он мог получить в связи с личностными факторами, с внутренними факторами среды или случайно, находясь в местах лишения свободы. В связи с этим, начиная с уголовно-исполнительной системы, было бы целесообразно создать непрерывную систему, некий континуум социально-психологического, юридико-психологического сопровождения постпенитенциарных субъектов.

Именно в подразделениях ФСИН существует опыт, реализуются соответствующие программы подготовки осужденных к освобождению, в т. ч. используется метод моделирования личного будущего [17]. При этом психологи, работающие в пенитенциарных структурах, владеют информацией о психологических особенностях преступников различных типов, в т. ч. с деструктивной направленностью личности (террористы, маньяки, убийцы и др.) [18]. Такими знаниями и компетенциями могут не обладать сотрудники подразделений и служб пробации, сотрудники органов внутренних дел. Очевидно, необходимо создать такую систему формирования интегративных компетенций сотрудников института пробации, чтобы они были готовы осуществлять соответствующую работу с каждым типом постпенитенциарного субъекта. Одновременно потребуются разработка новых образовательных программ по повышению квалификации и служебной подготовки личного состава органов внутренних дел. Только создав такие условия, возможно будет,

¹² Мухина В. С. Отчужденные: абсолют отчуждения. – Москва : Прометей, 2009. – 702 с.

во-первых, контролировать и пресекать попытки некоторых лиц, указанных в законе, продолжить свою криминальную карьеру¹³ [19; 20], во-вторых, появится реальная возможность противостоять социальным угрозам «гибели субъекта» (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко) и преодоления кризиса идентичности постпенитенциарного субъекта.

Одновременно в юридической психологии возникает фундаментальный вопрос о единстве многообразия личности. Как проектировать человека изменчивого, текучего, как сама его жизнь, и вместе с тем сохранять его идентичность, свое постоянство? Остается также открытым и другой важный вопрос: не возникнет ли ситуация, когда сконструированную с нашей помощью новую идентичность человека мы будем произвольно стремиться подработать под существующий жизненный мир, который может быть не тождественен реальным помыслам и возможностям постпенитенциарного субъекта, в результате чего субъект будет «заброшен в мир» (М. Хайдегер). В этом смысле такие понятия морали и этики, как вина, совесть и стыд, должны по определению существовать в актуальном контексте «заботы о личности», выступать важными участниками научных дискуссий об ответственности и человеческом достоинстве постпенитенциарного субъекта.

Задача проектирования идентичности состоит в том, чтобы обеспечить непрерывность, динамику творения истории человека, продолжение линии его жизни с учетом «оставшегося в прошлом будущего», незавершенности его проекта и вариативной открытости его развития. Делать ставку не на то, что есть, а на то, что должно быть.

Изменчивость личностных структур зависит от познавательной активности, целей, ценностных ориентиров и актуальных практических действий самого субъекта. Предполагается, что субъектная ориентированность личности на моральные нормы, в т. ч. совесть, вину, стыд, облегчает правильный выбор среди конкурирующих в обществе различных типов этических систем. При этом центральным понятием оказывается понятие человеческого достоинства, в рамках которого актуализируется надежда постпенитенциарного субъекта на лучшее будущее, в котором не будет насилия, будет больше равноправия и справедливости, стимулируется этика практических действий и готовность взять ответственность за их последствия.

Список литературы

1. Знаков В. В. Самосозидание человека - новый этап развития психологии субъекта // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Психология. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 112–122; <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.201>.
2. Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постпенитенциарной проблемы российского общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – Т. 29, № 1 (96). – С. 6–11; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-000-000>
3. Кравец К. В. Е. Н. Трубецкой о соотношении права и нравственности // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46, № 4. – С. 715–721; <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-715-721>.
4. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства, (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2011. – № 3 (77). – С. 14–58.
5. Бовина И. Б., Бовин Б. Г. Нормы и их нарушение: классические и современные исследования // Современная зарубежная психология : электронный журнал. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 21–31; <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2021_n3/jmfp_2021_n3_Bovina_Bovin.pdf.
6. Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8, вып. 2. – С. 126–138; <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>.
7. Сергиенко Е. А. Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – Москва: Институт психологии РАН, 2016. – С. 84–115.
8. Фуко М. Технологии себя / перевод с англ. А. Корбуа // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 96–122.

¹³ Марьян М. И., Касперович Ю. Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности : учебное пособие. – Москва: Академия, 2007. – 202 с.

9. Чепелева Н. В. Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве / Человек, субъект, личность в современной психологии : материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского, 10–11 октября 2013 г. : в 3 т. / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – Москва: Институт психологии РАН, 2013. – Т. 3. – С. 342–346.
10. Максимова Е. В. Духовная практика как предельная «Практика себя» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – Т. 1, № 73. – С. 122–125.
11. Сапогова Е. Е. Жизненный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. – 2014. – № 1. – С. 68–79.
12. Sarre R. Beyond “What Works?” A 25-year jubilee retrospective of Robert Martinsons famous article // Australian & New Zealand Journal of Criminology. – 2001. – № 34 (1). – P. 38–46; <https://doi.org/10.1177/000486580103400103>.
13. Cohn A. W. Managing the correctional enterprise – the quest for “what works” // Federal Probation. – 2002. – Vol 66, no 2. – P. 4–9.
14. Stevenson S. F., Hall G., Innes J. Socio-moral reasoning and criminal sentiments in Australian men and women violent offenders and non-offenders // International Journal of Forensic Psychology. – 2003. – Vol. 1, № 1. – P. 111–119.
15. Хвостов А. А. Моральное сознание личности : структура, генезис, детерминанты : монография. – Москва: Прометей, 2005. – 471 с.
16. Boduszek D., Hyland P., Pedziszczak J., Kielkiewicz K. Criminal attitudes, recidivistic behaviour, and the mediating role of associations with criminal friends: an empirical investigation within a prison sample of violent offenders // Europe’s Journal of Psychology. – 2012. – Vol. 8, № 1. – P. 18–31, <https://doi.org/10.5964/ejop.v8i1.296>.
17. Зауторова Э. В. Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17, № 4 (64). – С. 451–458; <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.64.4.013>.
18. Мухина В. Меж двух огней: тюремный психолог // Развитие личности. – 2007. – № 4. – С. 106–120.
19. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм Социально психологический анализ : монография. – Москва: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.
20. Оганесян С. С., Габараев А. Ш., Годованец О. Г., Казберов П. Н. [и др.]. Проблемы противодействия религиозному экстремизму и пути формирования веротерпимости в местах лишения свободы : монография. – Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – 167 с.

References

1. Znakov V. V. Samosozidaniye cheloveka - novyy etap razvitiya psikhologii sub’yekta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologiya. – 2019. – Т. 9, № 2. – S. 112–122; <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.201>.
2. Sharanov Yu. A., Zuyeva Ye. G. Psikhologo-yuridicheskaya dinamika struktury i funktsiy viny v protsesse resheniya postpenitentsiarnoy problemy rossiyskogo obshchestva // Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh. – 2024. – Т. 29, № 1 (96). – S. 6–11; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-000-000>
3. Kravets K. V. Ye. N. Trubetskoy o sootnoshenii prava i npravstvennosti // NOMOTHETIKA : Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2021. – Т. 46, № 4. – С. 715–721; <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-715-721>.
4. Al’tyusser L. Ideologiya i ideologicheskiye apparaty gosudarstva, (zametki dlya issledovaniya) // Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul’ture. – 2011. – № 3 (77). – S. 14–58.
5. Bovina I. B., Bovin B. G. Normy i ikh narusheniye: klassicheskiye i sovremennyye issledovaniya // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya : elektronnyy zhurnal. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 21–31; <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2021_n3/jmfp_2021_n3_Bovina_Bovin.pdf.
6. Grishina N. V. “Samoizmeneniya” lichnosti: vozmozhnoye i neobkhodimoye // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika. – 2018. – Т. 8, vyp. 2. – S. 126–138; <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>.
7. Sergiyenko Ye. A. Sovremennyye idei razvitiya v psikhologii // Printsip razvitiya v sovremennoy psikhologii / отв. ред. А. Л. Zhuravlev, Ye. A. Sergiyenko. – Москва: Institut psikhologii RAN, 2016. – S. 84–115.
8. Fuko M. Tekhnologii sebya / perevod s angl. A. Korbuta // Logos. – 2008. – № 2 (65). – S. 96–122.

9. *Chepeleva N. V.* Samoprojektirovaniye lichnosti v diskursivnom prostranstve / Chelovek, sub'yekt, lichnost' v sovremennoy psikhologii : materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu A. V. Brushlinskogo, 10–11 oktyabrya 2013 g. : v 3 t. / otv. red. A. L. Zhuravlev, Ye. A. Sergiyenko. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2013. – T. 3. – S. 342–346.
10. *Maksimova Ye. V.* Dukhovnaya praktika kak predel'naya «Praktika sebya» // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. – 2013. – T. 1, № 73. – S. 122–125.
11. *Sapogova Ye. Ye.* Zhiznennyy opyt v avtobiograficheskikh narrativakh lichnosti // Voprosy psikhologii. – 2014. – № 1. – S. 68–79.
12. *Sarre R.* Beyond “What Works?” A 25-year jubilee retrospective of Robert Martinsons famous article // Australian & New Zealand Journal of Criminology. – 2001. – № 34 (1). – P. 38–46; <https://doi.org/10.1177/000486580103400103>.
13. *Cohn A. W.* Managing the correctional enterprise – the quest for “what works” // Federal Probation. – 2002. – Vol 66, no 2. – P. 4–9.
14. *Stevenson S. F., Hall G., Innes J.* Socio-moral reasoning and criminal sentiments in Australian men and women violent offenders and non-offenders // International Journal of Forensic Psychology. – 2003. – Vol. 1, № 1. – P. 111–119.
15. *Khvostov A. A.* Moral'noye soznaniye lichnosti : struktura, genezis, determinanty : monografiya. – Moskva: Prometey, 2005. – 471 s.
16. *Boduszek D., Hyland P., Pedziszczak J., Kielkiewicz K.* Criminal attitudes, recidivistic behaviour, and the mediating role of associations with criminal friends: an empirical investigation within a prison sample of violent offenders // Europe's Journal of Psychology. – 2012. – Vol. 8, № 1. – P. 18–31, <https://doi.org/10.5964/ejop.v8i1.296>.
17. *Zautorova E. V.* Modelirovaniye kak metod formirovaniya lichnogo budushchego osuzhdennykh zhenshchin // Penitentsiarnaya nauka. – 2023. – T. 17, № 4 (64). – S. 451–458; <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.64.4.013>.
18. *Mukhina V.* Mezhdvukh ogney: tyuremnyy psikholog // Razvitiye lichnosti. – 2007. – № 4. – S. 106–120.
19. *Sosnin V. A., Nestik T. A.* Sovremennyy terrorizm Sotsial'no psikhologicheskii analiz : monografiya. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2008. – 240 s.
20. *Oganesyan S. S., Gabarayev A. Sh., Godovanets O. G., Kazberov P. N. [i dr.].* Problemy protivodeystviya religioznomu ekstremizmu i puti formirovaniya veroterpimosti v mestakh lisheniya svobody : monografiya. – Moskva: FKU NII FSIN Rossii, 2017. – 167 s.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted March 26, 2024; approved after reviewing September 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.